

Известия - 1989 - 2 июня - С. 12

Водной из старинных «отреченных книг» запечатлен рассказ Еноха праведного, постигшего тайны миростроения и «взнесенного на небеса»: Бог-творец только ради Человека создал Время, разделив его «на лета, месяцы, дни и часы», и под конец путей людских назначил «суд для человека по делам его... Тогда времена погибнут и лет не будет, дни и часы не будут считаться, а будет только один Век».

В ряду других и многих главных слов, которые мы адресуем сегодня, в «самый полдень торжества», замечательному русскому писателю Леониду Леонову, художнику и мыслителю, философу природы и культуры, просто человеку большого сердца, думается, уместно вспомнить и это апокрифическое сказание. И не только потому, что в новейшем, находящемся еще «в шитве» романе Леонова постоянны ссылки на «пророческие откровения» Еноха. И не оттого, что этим образом людского времени, которое «перестает быть», описана в «Мироздании по Дымкову» затнувшаяся на десятилетия остановка времени в период стагнации. И не затем лишь, чтобы отметить библейское предание и «апокрифический эпос» в качестве излюбленной поэтической стихии Леонова от раннего «Ухода Хама» до ведущей формулы создаваемого ныне романа-мифа (читателю известны отдельные фрагменты этого произведения: «Последняя прогулка» и «Мироздание по Дымкову», вошедшие в 10-й том собрания сочинений Л. Леонова, антиутопия «Спираль» напечатана в «Правде» от 18 февраля 1987 г., отдельные главы романа публикуются в журнале «Москва» № 5, 1989 г.). Ассоциации с этой легендой о назначенном людям в истоках рода «четвертом измерении» возникают по многим поводам, но все-таки прежде всего потому, что предметом неустанных забот, неутоляемых раздумий и художнических запечатлений в творческом поиске Леонова всегда было и есть — движимое не равнодушным металлом шестерен, а толчками живого сердца, в вековой, единой и непресекающейся связи, большое и истинное Время Человеческое.

Недавно я спросил Леонова об одной феноменальной особенности его романов: все они неизменно венчаются «формулами наследования», развивающимися во времени, бытийственным образом культурного пути человечества. Леонов объяснил эту, по его словам, «топографию культуры» в своих произведениях биографическими реалиями.

«Я никогда не вникаю в исторические панорамы, меня всегда волнует общий ветер истории, ее духовный климат. Дожди ли там шли, сыро ли было, опустелись потемки, или люди видели солнышко... Одно из первых устойчивых впечатлений в этом плане связано у меня с гимназической картой... Внешне представляла она из себя большую плотную «простыню», на которую один к другому, одинаковыми «кусками» были наклеены рисунки на бумаге; вся изображенная на этих фрагментах человеческая история не маялась — ее можно было «сложить» так, что получалась книжка... В развернутом виде она как бы запечатлела в себе знаменитые державинские строки о «реке времени», что «в своем стремлении уносит царства и людей...», по берегам которой — каждый на своем месте — размещались народы и племена, деятели и великие воители, восточные владыки, деспоты... На ней — как бы с высоты птичьего полета — широко просматривался достаточно подробный, меняющийся исторический ландшафт — шумеры, хетты, Ассирия, Вавилон, библейские народы, эллины и так далее во всей человеческой последовательности вплоть до времени издания самой карты. Это «полотно» и по сей день хранится у меня. Если оставить в стороне чисто «обучающий» смысл карты, то, на мой взгляд, такие обзоры истории внутренним зрением необходимы литератору, да, пожалуй, и каждому человеку. Ведь очень важно определиться на перекрестке того исторического времени, в котором мы обитаем сегодня, ибо далеко не

все равно, где находится в настоящий момент человечество: в самом конце, посредине, в начале пути или еще до начала своей истинной истории... Нужна точная, выверенная концепция: ясная, прозрачная, фактологически законченная формула человеческих ориентаций в мире... Время сегодня непростое, трудное. Все экспоненты в нехорошую сторону идут. Поэтому сегодня надо думать не просто в объеме современности, которую мы отсчитываем с известных дат. Необходимо брать объем всего человечества

РАПповцев, направленные в адрес леоновского «Вора», и тот сплошь испещренный вопрошающим карандашом экземпляр романа о бывшем красном комиссаре на рабочем столе Сталина, и жестокая, на исходе 30-х, травля «Метели», завершившаяся отлучением от сцены этой пьесы, открыто говорившей современникам о двуличии некоего «сверхпартийного» человека, об атмосфере лжи, страха, доносительства, о вызревающем моральном бунте чистых людей. И все это, как и в случаях со многими собратьями Леонова по пе-

мучительном выборе «герценовской» альтернативой: как быть, когда «отечеству трудно», и что делать, если «отечество стреляет в тебя»? Он просто «благодарно и нежно» любил Отчизну, «всякую — и в сумерки, когда беспросветный осенний дождик, и в нищете... и бедствии, когда предстояло либо прогнаться к победе, либо сгинуть вместе». Об этой высшей общности с духом народным писатель как человек, «принадлежащий к российскому племени», скажет и сегодня, во времена «максимальной искрен-

на героев и мучеников, а буквально выхлестывают в наше бытие долго сдерживавшийся поток кровотока, жестокого опыта, — во всем этом по-новому осознается вещная правда Леонова в утверждении им закона? культурного восполнения жизни. Поэтому переживаемое ныне — отнюдь не возмездие культуры, а реальное возвращение ее в нарушенное прежде, равновесное состояние. В этом плане по-особому видна и высокая миссия Леонова-художника в долговременном и остром противостоянии с культурой функциональной, насильственно усеченной, искусственно отринутой от мировых дорог, подмятой под нужды потре-

бления. «Прежнее лихолетье, — заметил Леонов в разговоре две недели назад, — прервало жизнедеятельность многих цивилизационных процессов, воспитало на этом «разрыве» новые поколения. А ведь культура, как и жизнь, — самообновляющийся организм, а они не терпят таких длительных перерывов в развитии. Это не механизм общественный, как нам внушали. Хотя машина, и та ржавеет без сырья. Цивилизация накапливалась веками: кольцо накладывалось на кольцо, как в атолловом острове. И все это очень хрупкое, сродни кораллам, его образующим. Об этом надо помнить. Наметились ведь в нашем дне и опасные ходы. Не установив точно, где кончается фундамент разрушаемого здания, мы стали углубляться в землю в другом месте. Так можно подрыть жизненно важные корни нации и человечества. Дойти до центра земного шара, первородной материи и высоких температур. Это приобретает трагический оттенок, может привести к молекулярному распаду. Сегодня нужна терпеливая работа по возобновлению утраченного. И воспитание нового поколения надо начинать с буквы: человечности, с азав, с колеса, рычага, обретения навыков. Попробуйте сегодня найти мастера, способного сделать, положим, хомут. «Охмутить» могут, сделать вещь — нет. Необходимо вручить народу некую «магическую иглу», чтобы шить прерванные связи, возобновить ремесла, чтобы дальнейшее развитие шло естественным ходом: из рода в род, из рук в руки, из уст в уста. И если главным тезисом времени останется не только выживание, но и движение вперед (прогресс не отрицать!), то необходима самая высокая организованность слитых воедино процессов мировых, рассредоточение сил, понимание, кого с кем и как объединять в людских сообществах. Сегодня нельзя ошибаться и, как никогда, необходимы крупнейшие решения, наподобие «Хартин вольностей», не временные, а прочные гарантии, такие, чтобы в широкую даль смотреть!».

...Чем большее содержание всечеловеческой жизни вмещает в себя личность художника, тем в большей степени принадлежит он современности. Говоря об этом воздействующем потенциале творчества Леонида Леонова, свойственном только писателям «эталонного значения», нельзя не думать, может быть, о самом главном в характере его и даровании — об активной и сострадательной силе «просто любви к людям».

В земном общежитии и вечных скитаниях человеческого духа, по слову Леонова, «память боли», а не только всепроникающая мечта скрепляют опыт мира... Когда становится невероятно трудно, — надо проше, проше... Больше тепла, добра, просто, быть может, приласкать. Я думаю, что, будь Страшный суд, он бы изменился в своей миссии: Бог взял бы, да пожалел людей — настолько много боли было во всем, так сложно и тяжело проходили пути биологической эволюции и истории... Сегодня припала необходимость в таком времени, когда будущее станет определяться на 500 лет вперед. Найдутся ли истинные и разумные люди, которые сумеют просто пожалеть человечество? А ведь это возможно...».

Александр ЛЫСОВ.
ВИЛЬНЮС.

«БОЛЬШАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ» ПИСАТЕЛЯ

К 90-летию Леонида Леонова

«...Постихнет скрежет великой ломки,
а воды улягутся во впадины, отведенные
для них земным тяготеньем... — тогда,
пасмурноватое вначале, наступит утро
следующего тысячелетия...»

ского опыта, весь обозримый бассейн человеческой истории».

Думается, что эта «карта мира», не «мнущаяся» на «перегибах» история рода людского, этот путь человеческий, «складывающийся» в книгу, — достаточно точный и емкий символ творчества создателя «Русского леса».

«Человек всегда важнее событий, самые большие события творятся в мозгу человека... Ничего в искусстве не может быть без обогащения. Все то, что пролилось у писателя наружу, — это отблески бурь, происходивших там, внутри. Недавно некто мне сказал (не знаю — похвалил или обидел): «Вы, как человек XVIII века, все открываете для себя сами». Со стороны виднее, и, думается, в этой оценке есть некоторая доля истины. То, что вошло в такие мои вещи, как «Русский лес» или «Мироздание по Дымкову», отнюдь и не просто «вычитывалось» мною из научных книг — все это открывал и испытывал я вполне самостоятельно. Перейдя какие-то рубежи, легче узнавать, независимо и самому, даже такие простые вещи: почему вода кипит? В сегодняшних «многих» научных трактатах... выстроены грандиозные лестницы уравнений — и с них поистине можно «крухнуться» пребольно и с весьма большой высотой. Мои попытки связаны с тем, чтобы добраться до всего этого путем словесной логики... От ученого современники ждут новой картины мира, расширения границ познаваемого, от художника ожидают большего — Пути!»

Писатель, ученый, философ жизни, крупнейший социальный мыслитель, первый подвижнический наш «природоволец», художник, еще в 20-е годы вошедший в поток большой русской литературы, по-особому осознающийся сегодня в составе мировых писательских имен, Леонид Леонов предстает в новом времени как целая эпоха нашего художественного развития, как творец произведений, уже проделавших грандиозную историческую работу и устремленных дальше — к предельным целям человечества.

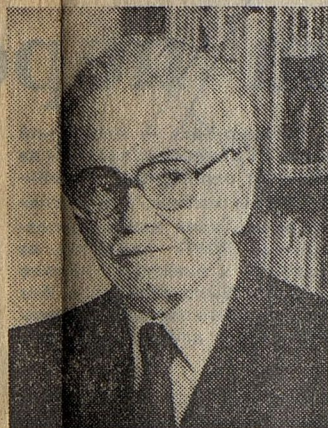
НЕЛИШНИМ, думается, будет сегодня напомнить вот о чем тем критикам, кто в пылу полемик пытается «подверстать» имя Леонова к некоей «подмененной» духовности, «временной» исполнявшей обязанности культуры, и тем самым противопоставить его художественное наследие «отреченным книгам» 30-х и иных годов, а жизненный путь писателя — драматическим судьбам авторов «задержанной классики». На памяти у истории — погромные статьи неистовых

ру, под приснопамятный аккомпанемент: «Какие тут оттенки, когда всех надо — к стенке!» А чего стоит начальственное «табу», наложенное Ждановым на сценическую жизнь «Золотой кареты», и так ли уж все гладко было с «Русским лесом», создававшимся в самом преддверии «тризны грозного отца»? Были и инспирированные сверху пропагандные кампании против романа, с привлечением к недостойному делу не только литераторов, но и задетых за живое сторонников интенсивного лесопользования. Стоит ли повторять, что «Русский лес» — первый наш экологический роман, где писатель безоговорочно устанавливал непосредственную связь между деформированной природой власти и искаженным, хищническим отношением равно к ценностям природного мира и культурного достояния.

В одном из наших разговоров Леонид Максимович горячо оспаривал тезис Достоевского о том, что «добро зла беднее». Все творчество Леонова от первой горячей пробы пера до современных шедрых итогов его духовной биографии проходило под знаком «оправдания Добра», подвижничества в служении всечеловеческим идеалам: «Прежде всего — всегда должна быть соблюдена верность главным принципам человечности... это не преданность «лично» товарищу Калинин или Ворошилову, это другая, особая Верность. И без такой, высшего порядка причастности, немыслимы ни человеческая цивилизация, ни существование человечества в целом».

Помимо многого, здесь можно добавить и то, что программная статья Леонова о судьбах национального наследия «Раздумья у старого камня» 18 лет пролежала неопубликованной «под спудом общественности» обстоятельств или, например, то, что замысел сегодняшнего романа, исследующего кризис человечности в XX веке и возможности грядущих трагических ходов истории, рождался в предпоследний довоенный год, в обстановке безысходности в жизни писателя, связанной с томительным «ожиданием страшных ночных гостей». Так неужели при нынешнем знании ликов зла в эпоху наших лет, при ведении того, что зубья репрессивного механизма «прихватывали» на рубеже 40-го самое жизнь писателя, столь сложно разглядеть среди лавров тернии, установить истину в коварном и недвусмысленном отношении «державного мира» к судьбе и творениям Леонова?

Спасительным для художника во всех переменах «ветра судьбы» на «судебный ветер» было прежде всего то, что в лихую годину он оставался со своим народом, не терзаясь в

ности: «То, что на душе у народа скопилось, надо прочесть и принять как библейскую истину... это и есть та стихийная магистраль... по которой надо идти. Я с моим народом готов разделить всю его участь и его историю, и я согласен на все...»

В МОРАЛЬНЫЙ фундамент леоновского стоицизма во всех превращениях не столь давней поры заложены и иные прочные граниты. В моих записках бесед сохранилось и такое признание Леонова: «Я всю жизнь писал одну только Книгу... Мне не дали ее закончить...» Начальный период творчества писателя приходится на тот слом эпох, когда «идеи стреляли» и когда под угрозой разрыва оказывалась сама духовная связь времен — культурное наследие. «Народ уничтожают со святынь», — так это прозвучит в «Золотой карете». «Знаю одно, — продолжит в недавнем интервью писатель, — что когда в начале века «расчищалось место бою», это еще не означало обязательного потеснения национальных святынь. Об этом мне тогда, наверно, и хотелось сказать. И время показывает, что этот мир так безоглядно оставлять было нельзя... нельзя». Поэтому новой социальной общности писатель предпосылал не идеалы «удесатеренной жизни» и не лозунговое «Время, вперед!». Исповедуя иную любовь к дальнему, говорил о необходимости оглянуться («и не надо бы, а оглянетесь») на «горести и скорби дедов наших, беспольные мечтания, несвоевременные сомнения», на «мученика кровинку», «еретический костер», на «зов путника, заблудившегося на пике высочайшей горы», — метания, жертвы, ошибки, иллюзии отошедших времен. Оглянувшись, чтобы пережить и осуществить в себе человечество, без чего немислимо установить свой гуманистический потенциал, «определившись» на карте истории и на культурных путях.

Давно ли мы твердили о приятии лишь «прогрессивной» части наследия, об ориентации лишь на «позитивные» результаты развития, об антагонизме «двух культур», наконец? И давно ли уверились в приоритете всечеловеческих интересов над классовыми? Признаемся: недавно, хотя и очень давно. В моральном срезе сегодняшнего дня, когда мы, провав тесную «упаковку» современности, переживаем невероятную по силе фазу отрицания, когда рукописи, которые не горят, публицистика, живая боль 30-х и неистребимая память людская не только возвращают име-